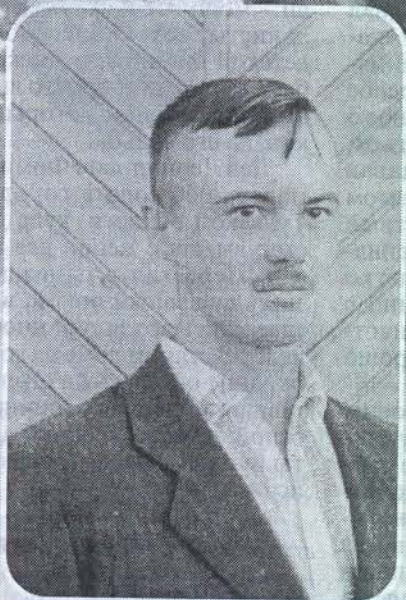

Стихи в маленьком домике

Песенка королевских шутов о славе

Дворяне молодые, шевутные,
Что жаждут славы пуще всяких вин,
Прут первыми на стены крепостные
И первыми срываются в крови.
А герцог представляет штурм по слухам,
Зато победу первым возвестит.
И Слава, размалеванная шляха,
Повиснет на хрыче, забыв про стыд.
Алхимик, изможден и неприкаян,
Толчет, спекает ночи напролет
И получает философский камень,
Что превращает в золото помет.
А ростовщик, про чудо то пронюхав,
Раздаст бродягам маски и ножи...
И Слава, размалеванная шляха,
Скакнет к убийце, бедра обнажив!
В родную бухту гордо входит шхуна,
Набитая диковинным добром.
И капитан с дружкой при свете лунном,
Обнявшись, допивают жгучий ром.
А на заре уткнется в берег шлюпка,
доставив тайно дружеский донос.
И Слава, размалеванная шляха,
Прильнет к мерзавцу, чмокая взасос.

Виталий Масюков

Виталия Андреевича Масюкова знают многие ульяновские поэты. Знают как доброго педагога, который много-много лет совершенно бескорыстно работает с молодыми талантами, возглавляя литературное объединение "Стрежень". Свою жизнь он связал с заводом им. Володарского, с поэзией и творческой молодежью.

*Ночь была сыра и холодна.
Фонари таращились, как совы.
На перроне девушка одна
Куталась, дрожа,
в платок пуховый.*

Автор этих строк учился когда-то в литературном институте им. Горького в Москве и жил в те далекие шестидесятые в литобшежитии, в одной комнате с Николаем Рубцовым.

- Веселые годы были, - вспоминает Виталий Андреевич, и широкая улыбка высвечивает его добрую душу. - У меня есть стихотворение, написанное рукой Николая Рубцова. Бывало, скинется литературная братва по рублю, и пошла гулять община. Вино, пиво, стихи по кругу. А Николай возьмет свою измятую, исцарапанную гитару, оживит несколько аккордов, и тут же в комнате смолкает гул голосов.

Только слышен тихий, нежный Колин голос:

- В горнице моей светло...

Необычный он парень был, Рубцов.

- А что дальше?

- Что дальше? - Масюков тяжело вздыхает и на-

долго умолкает. - Молодой был, глупый. Учиться было лень. Две сессии пропустил, экзамены сдавать отказался, и отчислили меня с четвертого курса. Уехал я из Москвы, и начались литературные мытарства. Слухи вокруг моего имени ходили ужасные, якобы, меня за антисоветские взгляды из литературного выперли. Стихи мои нигде не печатали. В 1965 году в Саратовском книжном издательстве у меня первый сборник стихов стоял. Выкинули. В московские журналы свои вирши посылал - не печатали. Я тогда еще не знал, что под колпак КГБ попал. В 80-м году вызвали меня в профком завода и спросили, какая у меня заветная мечта. Смешно мне стало.

- Царицу Шахерезаду хочу.

- Шутник. А если серьезно?

- Ну тогда бутылку водки, - с иронией говорю, потому как не знаю, куда профкомовцы клонят.

- Вы же спортсмен, Виталий Андреевич! На Олимпиаду в Москву хотите поехать? На наш завод выде-

лили одну путевку, и мы подумали: "Вы - человек пишущий, Вам и ехать".

Я своему счастью поверить не могу, собираюсь в дорогу начал, а через неделю передо мной извинились и объявили, что мою кандидатуру в КГБ отклонили. Обидно стало, но что поделаешь? Пришлось Олимпиаду по телевизору смотреть.

Я разливаю по рюмкам вино и предлагаю выпить. Тост у нас традиционный:

- За стихи!

- За стихи, - соглашается Виталий Андреевич.

Рабочий кабинет у Виталия Андреевича маленький. Кровать, книжная полка, маленький столик, на котором, кроме печатной машинки, больше ничего не поместится, и стул. Я сижу на стуле, а Виталий Андреевич на кровати. Библиотека у Масюкова богатая. Разглядываю книги на полках: Ломоносов, Пастернак, Гомер и Есенин, Шекспир и Марина Цветаева. Маленькая комнатка с единственным окном насыщена классической поэзией.

С Масюковым я познакомился лет 10 назад. Друзья-поэты - Малахов, Лайков, покойный ныне Бармин - сидели за чаем, читали стихи, о чем-то спорили, мечтали о собственной литературной газете или журнале. В то время в нашем городе ничего подобного не было. Я смотрел на Виталия Андреевича, слушал его и удивлялся. Мне казалось, что весь он пропитан поэзией. Кроме стихов ни о чем разговаривать не желает. Многих авторов цитирует наизусть и может читать очень долго.

- Однажды, - рассказывает Виталий Андреевич, - поспорил я с одним любителем поэзии, что могу целые сутки читать чужие стихи наизусть.

- Ну и?

- Выиграл я тот спор. Слушал меня приятель 18 часов подряд и сдался. Бутылку на стол поставил, а сам убежал.

Более 25 лет Масюков руководит литобъединением "Стрежень" и выпускает литературное приложение к газете "Рабочая правда" Володарского завода. Сколько талантливых имен открыл городу Виталий Андреевич! Когда листаешь странички "Стрежня", радуется и волнуется поэтическая радуга, вселяет в сердце надежду: не хлебом единым... Живет еще поэзия в наших душах! А не было бы Виталия Андреевича, тыкались бы молодые люди, как слепые котятка, по бульварным газетам и получали бы от ворот поворот, и гасли бы эти маленькие светлячки, несущие людям необычный свет поэзии.

Маленький кораблик поэзии Виталия Андреевича плывет и плывет по литературному морю и берет на борт всех желающих, кто не боится плыть по волнам рифм. Окрепнет молодой человек рядом с Масюковым и начинает тогда строить свой кораблик и отправляется в плаванье самостоятельно. А Виталий Андреевич улыбается волшебной улыбкой и машет ему вслед рукой:

- Ну, счастливо, брат! Успехов тебе в литературной жизни!

Живет Виталий Андреевич скромно. Пенсия не-

великая. Сидит за печатной машинкой, рукописи в порядок приводит. За 40 лет много стихов накопилось. Стучит старенькая машинка - того гляди, совсем развалится. Одной буквы нету - отломилась, поэт ее карандашом дописывает. Канитель, но что поделаешь?

Я сижу у Виталия Андреевича в гостях. На столе недопитая бутылка. Сегодня у нас праздник. Мы обмываем свои маленькие книжки, которые вышли в издательстве "Симбирская книга".

- Вот, Виталий Андреевич, - говорю я, - дождался. Пять лет рукописи в издательстве лежали.

- Нет, Василий, я эту книжечку сорок лет ждал...

Я смотрю на поэта, и горло перехватывает тоска. Всю свою сознательную жизнь Масюков посвятил поэзии и молодым талантам, а литературная судьба его так и не сложилась. В 63 года вышла у него в свет маленькая книжечка с грустным названием "Последняя радуга". Видимо, нет уже надежды издать что-нибудь еще, а ведь в его письменном столе стихов лежит великое множество.

Мне часто приходится выступать со своими стихами перед учениками и рабочими, и люди слушают с очарованным удивлением. Глаза восторженные, тишина в зале. Озорники и то перестают шептаться. И не хочется верить издателям, что нашим людям поэзия ни к чему. Неправда это.

Как-то снова собрался я к Виталию Андреевичу. Постучал - тишина в квартире. День жаркий. Может, на даче? Вышел из подъезда и направился к Карасевке.

Дача у него уникальная. Избушка на курьих ножках. Тенистый сад. На одном дереве и груши висят, и яблоки, как у Мичурина. Орехи иностранные, айва, виноград. Любят эту дачку поэты местные. Стихов в маленькой избешке прочитано много. Однажды человек десять в домик втиснулось. Почти друг на друге сидим. Каждый порывается стихи почитать.

- По очереди, по очереди, - призывает хозяин. - Не все сразу, а то галдеж получается.

Летний вечер. Пахнет яблоками и грушами. Маленький домик с обветшалой крышей и много-много стихов. Радует душа и рвется к звездам.

Открываю калитку в надежде увидеть Масюкова. Домик покосился. Стекол в рамках нету, дверь нараспашку, по углам паутина. "Давненько тут никто не был, - подумал я. - Запустение-то какое. Старенький стал Виталий Андреевич. Вот и моя жизнь перевалила за половину. Как много в жизни ненужной суеты..."

Я присел на краешек стула, достал бутылочку пива и сделал несколько глотков. Мне хотелось почитать свои новые стихи, а некому.

С веток, улыбаясь солнцу и радуясь жизни, дружно тянулись ко мне яблоки и груши. Я сорвал веселую парочку - фрукты напомнили ладоням тепло Масюкова, словно он сам со мной поздоровался.

Где ты, поэт? Не хворай, мы еще почитаем...

Василий Коробков